

© 1990 г.

Т.И. ЗАСЛАВСКАЯ

СОЦИАЛИЗМ, ПЕРЕСТРОЙКА И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

В Академии наук СССР при вице-президенте В.Н. Кудрявцеве постоянно действует теоретико-методологический семинар, на который приглашаются видные советские обществоведы, чтобы всесторонне обсудить наиболее актуальные, глубинные проблемы жизнедеятельности нашего общества. Предлагаемый вниманию читателей доклад академика Т.И. Заславской явился предметом заинтересованного обсуждения, поскольку в нем нашли отражение очень важные сегодня темы, имеющие первостепенное значение для дальнейшего развития социологической мысли. Материалы обсуждения доклада редакция намеревается опубликовать в следующем номере. (Доклад представлен на обсуждение в марте сего года.)

Как советские люди относятся к «социалистическому выбору», отождествляют ли они происходящие в стране перемены со строительством «обновленного социализма», поддерживают или же отвергают их? Настоящий доклад представляет собой попытку ответить на эти и другие вопросы, базируясь на результатах опросов, проведенных ВЦИОМ в 1990 г. Естественно, что он отражает не только общественное, но и авторское мнение о социализме и перестройке. Поэтому для начала выскажу личную точку зрения, легшую в основу исследовательской программы.

Понятие "социализм" на мой взгляд, имеет три принципиально разных значения. Первое - идеологическое — характеризует широкое направление общественной мысли, связанное с развитием так называемой социалистической идеи. В двадцатом столетии оно разделилось на несколько борющихся между собой течений, главные из которых: северо-европейский демократический социализм, итало-немецкий национальный социализм (фашизм) и советский «научно-коммунистический» социализм.

Особенностью последнего направления является понимание социализма как исторически неизбежного этапа общественного развития, возникающего в результате общего кризиса капитализма и представляющего собой первую фазу коммунистической формации. Социал-демократы под социализмом имеют в виду не тип общества, принципиально противоположный капиталистическому, а скорее «гибрид» социализма с капитализмом — облагороженный системой защиты социальных прав человека капитализм. Средством его достижения считают не столько классовую борьбу пролетариата с буржуазией, сколько их классовое согласие, содействующее совместному решению общей задачи — формированию «справедливого общества».

Третье направление социалистического учения — национал-социализм, на первый взгляд, слишком одиозен, чтобы говорить о нем в общем контексте социализма. Но опыт показывает, что забывать о нем крайне опасно. Приме-

нительно к современным условиям СССР этот вопрос ждет специального глубокого изучения.

Второе — историческое — значение рассматриваемого понятия связано с "реальным социализмом", т.е. с конкретным типом обществ, созданных в СССР и Восточной Европе под руководством коммунистических партий.

Третье значение понятия «социализм» (обычно сочетающееся со словами «обновленный», «гуманный», «демократический») носит нормативно-прогностический характер. Оно обозначает модель общественных отношений, к которой стремится советское общество.

Как видно из сказанного, понятие «социализм» является многозначным и в силу этого не может употребляться без конкретизирующих определений. Это относится как к обсуждению соответствующей научной теории, так и к изучению общественного мнения о социализме, его проблемах и перспективах. Я полагаю, что социализм — не самостоятельная формация и, тем более, не промежуточная ступень между капиталистической и коммунистической формациями, а специфическое качество общественных отношений, возникающее на определенном уровне цивилизации при достаточном развитии производительных сил и политической демократии. Суть этого качества — в создании надежных социальных гарантий, расширении прав и свобод человека, в его освобождении от по возможности всех сковывающих зависимостей, предоставлении ему максимальных возможностей самореализации в труде, политической жизни и творчестве.

Социализм не следует рассматривать в качестве первой фазы коммунистической формации, которая якобы возникает «на развалинах» капитализма и разрешает его противоречия. Надо откровенно признать, что теория научного коммунизма не подтвердилась, так как ее послышки (полное преодоление разделения труда, растущая пролетаризация обществ, абсолютное обнищание трудящихся, единовременное осуществление пролетарской революции в большинстве развитых капиталистических стран, уничтожение государства, принципиальное изменение социальных качеств человека) опровергнуты практикой. Современный социализм развивается главным образом через качественное изменение капитализма, возникновение и развитие в нем таких социальных черт, которые могут рассматриваться как просоциалистические.

Что в таком случае означает словосочетание — «реальный социализм»? В принятой в 1979 г. Программе КПСС записано, что «в результате самоотверженного труда советского народа, теоретической и практической деятельности Коммунистической партии Советского Союза человечество получило реально существующее социалистическое общество и проверенную на опыте науку о построении социализма» (с. 19). В связи с этим возникает вопрос, какой тип общества был действительно создан в СССР, как он соотносится с марксистской теорией? Попытаюсь ответить на этот вопрос применительно к своему пониманию.

Политически советское общество было и остается тоталитарным, поскольку оно опирается на монопольную власть одной партии, соподчиненные звенья которой пронизывают все государственные и общественные структуры. Все три формы государственной власти — законодательная, исполнительная и судебная — открыто или латентно подчинены партийной. Так же обстоит дело и с «четвертой властью» — средствами массовой информации. Так, в 1989 г. на "пике" гласности КПСС принадлежали 75% издательских мощностей и 80% газет и журналов страны. В настоящее время с управления печатью и телевидением окончательно сбрасывается маска демократичности, ему вновь возвращается открыто тоталитарный характер.

Экономически советское общество базируется на государственных средствах производства, централизованном планировании экономики, а также мощном аппарате аккумуляции и перераспределения материально-финансовых ресурсов.

Характерными чертами его экономики являются высокая монополизация производства, нечувствительность к научно-техническому прогрессу и требованиям рынка, громоздкое и неэффективное управление. Советская экономика отличается дешевизной живого труда, низкой квалификацией работников, их отчуждением от средств производства, слабой трудовой и производственной дисциплиной, плохим качеством и неконкурентоспособностью продукции,

Социально советское общество резко поляризовано. Полюса его социальной структуры образуют высший и низший классы, разделенные социальной прослойкой. Но это не те классы и не та прослойка, которые записаны в Конституции СССР. Высший класс составляет так называемая «номенклатура», объединяющая высшие слои партийной, военной, государственной и хозяйственной бюрократии. Она является полновластным хозяином общества, распорядителем (реально—коллективным), собственником большей части национального достояния, непропорционально большую часть которого она расходует на самое себя. Доля присваиваемого высшим классом богатства характеризуется не уровнем зарплаты, а прежде всего — широким набором присваиваемых бесплатно или за номинальную плату (и недоступных другим слоям) материальных и социальных благ.

Нижний полюс советского общества образует класс наемных работников государства, охватывающий рабочих, колхозников и массовые группы интеллигенции. Границы этого класса в значительной степени совпадают с часто используемым газетным клише «трудящиеся» (с которыми встречается, о которых заботится, но в состав которых словно бы не входит «номенклатура»). С моей точки зрения, «трудящиеся» составляют единый класс, отличительными особенностями которого служат практическое отсутствие собственности и крайняя ограниченность социально-политических прав. Положение этого класса характеризуется скучностью в коммунальных квартирах или собственных домах без удобств, низкими доходами, ограниченной структурой потребления, неблагоприятными экологическими условиями жизнедеятельности, низким уровнем медицинского обслуживания и социальной защиты, ухудшающимся состоянием здоровья, на десять лет меньшей, чем в большинстве цивилизованных стран, продолжительностью и гораздо худшим качеством жизни. Сотни миллионов обездоленных, полностью зависимых от государства представителей этого класса пролетаризированы, десятки миллионов — люмпенизированы, т.е. отчуждены не только от средств производства, но и от собственной истории, культуры, национальных и общечеловеческих ценностей. Политические права и обязанности «трудящихся» еще недавно сводились лишь к безальтернативным «выборам», в сущности, назначавшихся депутатов, да к регулярному произнесению традиционного «одобрям!» в тех случаях, когда это предусматривалось обрядом. Главным путем «вверх» для представителей этого класса был и пока еще остается переход на работу в партийный, комсомольский или профсоюзный аппарат.

Социальная прослойка между высшим и низшим классами советского общества многочисленна и гетерогенна. Ее образуют социальные группы, обслуживающие номенклатуру, помогающие ей, удовлетворяющие ее многообразные потребности. Сюда относятся в первую очередь работники управленческой сферы, непосредственно выполняющие указания номенклатуры и составляющие ее главную социальную опору. Иными словами, — «управленческий аппарат». К социальной прослойке между высшим и низшим классами относятся, на мой взгляд, и руководители средних по размеру и значимости предприятий, хозяйств, организаций, структурных подразделений. Другую часть рассматриваемой прослойки составляют идеологические работники, помогающие партбюрократии укреплять веру трудящихся в справедливость «реального социализма»: партийные журналисты и пропагандисты, преподаватели общественных наук, ученые-обществоведы и проч. Третья составляющая — разного рода привилегированная «обслуга»: медики, работающие в «специальных» больницах, поликлиниках, санаториях; государственный персонал, обслуживающий «особые» дачные поселки;

егеря государственных охотничьих хозяйств; водители персональных автомашин, поездов, самолетов; работники «депутатских комнат» вокзалов и аэропортов; служащие «специальных» магазинов, столовых, кафе, ресторанов и т.д. Прослойка включает и наиболее преуспевающую часть артистов, писателей, журналистов, художников, адвокатов, врачей, дипломатов и других лиц «свободных профессий». Наконец, к ней следует отнести средних командиров армии, флота, КГБ, МВД. Непосредственно соприкасаясь с «номенклатурой», представители «прослойки» стремятся приблизиться к ней, а если удастся, то и войти в нее. Поэтому они в значительной мере разделяют ценности, взгляды и установки номенклатуры.

На первый взгляд, обслуживающая прослойка занимает в советском обществе место, обычно принадлежащее среднему слою. Но это сходство является внешним, так как положение среднего слоя в странах Запада базируется на владении собственностью, обеспечивающем политическую и социальную независимость. Не случайно средний слой является носителем социальных традиций, хранителем норм и ценностей, гарантом социальной стабильности общества. Социальное положение нашей прослойки также является промежуточным между высшим и низшим слоями. Уровень ее благосостояния выше, чем остальной (части трудящихся, что связано с заинтересованностью номенклатуры в ее услугах и готовностью за них платить. Вместе с тем представители прослойки не имеют ни частной собственности (за исключением «теневой»), ни права распоряжаться общественным богатством. Их положение зависит в первую очередь от благорасположения высшего класса. Поэтому значительная часть их подкуплена, протитуирована, является носителем двойной морали, без- нравственности и цинизма.

Главное социальное отношение советского общества на протяжении десятилетий заключалось в экономической эксплуатации и политическом подавлении трудящихся партийно-государственной номенклатурой. Возникшее в начале 30-х годов и резко углубившееся к 80-м социальное противостояние этих классов носило и носит антагонистический характер. Что касается прослойки, то часть ее представителей поддерживает тот класс, из которого вышла, другая же часть верно служит классу, от которого зависит.

Итак, сложившийся в СССР общественный строй базируется на сочетании государственно-монополистической экономики с тоталитарным политическим режимом.

Современное советское общество является не социалистическим, а государственно-монополитическим. Оно не обладает ни одной из качественных черт социализма и отстоит от социализма дальше, чем развитые капиталистические общества. Государственная собственность на средства производства носит монополистический характер. Экономические результаты ее функционирования присваиваются специфическим социальным слоем (классом) — партийно-советско-хозяйственной бюрократией. Отсутствие в СССР экономической эксплуатации одних общественных групп другими — это идеологический миф. Эксплуатация не только была и есть — она была и остается жестокой. По уровню социально-экономического и политического развития советское общество драматически отстает от западных стран. Господство в СССР государственной собственности на средства производства является не преимуществом, а недостатком системы, так как препятствует развитию хозяйства, тормозит технический и социальный прогресс. Государственная собственность и собственность КПСС является экономической базой господства партийной, советской и хозяйственной бюрократии над остальной частью общества. Борясь за сохранение своих привилегий, она стремится любой ценой не допустить изменения системы.

Сложившаяся в СССР социально-политическая система изжила себя. У нее нет ресурсов развития. Искусственное сохранение этой системы в течение еще нескольких лет приведет к катастрофе, признаки которой уже налицо. В этих условиях единственно разумной политикой является последовательный демонтаж

тоталитарной государственно-монополитической системы в целях ее замены более эффективной системой «социального капитализма», сочетающего частную собственность с демократической формой политического правления и надежными социальными гарантиями для трудящихся. Естественно, что «перестройку» в таком направлении вряд ли можно будет назвать построением или «совершенствованием» социализма. Но если понимать социализм в том единственном смысле, который еще остается, то такое развитие советского общества надо рассматривать как переход от самого негуманного и антисоциалистического капитализма в мире к значительно более цивилизованному, гуманному и «социализированному» капитализму.

В свете сказанного вопрос о принадлежности советского общества преимущественно к «социалистическому» или «капиталистическому» типу вовсе не однозначен. Но главное, он не имеет смысла, так как сами понятия капитализм и социализм не способны адекватно описывать типологию современных человеческих обществ. Тем не менее мне придется кратко остановиться на понятии «обновленный социализм», поскольку общественное мнение о социализме чаще всего отражает отношение людей именно к этому таинственному предмету.

Что такое «обновленный социализм»?

Определение этого понятия должно отвечать, по крайней мере двум очевидным требованиям. Во-первых, обеспечивать историческую и социальную (качественную) преемственность по отношению к «реальному социализму», так как в противном случае следовало бы признать, что последний назван социализмом ошибочно. Во-вторых — в известном смысле «отталкиваться» от «реального социализма», т.е. достаточно четко показывать, чем обновленное советское общество отличается от современного. Мне представляется, что в настоящее время ни та, ни другая задачи не решены. Более того, они не решаются. Большинство встречающихся определений «обновленного социализма», в сущности, сводится к перечислению его положительных качеств. Приведу лишь один пример. Вот как определяет социализм С.С. Алексеев: «Подлинно свободное, демократическое и цивилизованное общество, при котором человек вырывается из отчужденного состояния стихийных процессов или тоталитарной системы, угрожающего человеческому существованию катастрофой, обретает экономическую свободу, условия для возвышения и реализации своей индивидуальности — такое общество было бы достойно называться обществом свободного социализма» («Коммунист», N 17, 1990 г.).

В литературе просматривается тенденция к откровенной идеализации будущего социализма, приписывания ему мыслимых и немыслимых добродетелей.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть две особенности большей части определений перспективной модели социализма. Первая заключается в том, что подавляющая часть качеств, приписываемых «обновленному социализму» (преодоление всех форм эксплуатации, творческая активность людей, свобода, коллективизм, гуманизм, демократизм, справедливость общественных отношений и пр.), просто не сопоставима с такими системообразующими качествами «реального социализма», как общественная собственность на средства производства, централизованно планируемая экономика, распределение доходов по труду и т.п. Это делает невозможным даже чисто теоретическое сравнение «обновленного» социализма с «реальным». Причем о первом остается неизвестным главное — как устроен его экономический базис, т.е. система производственных отношений, что он унаследует здесь от «реального», а от какого наследства откажется. Вторая особенность определений «нового» социализма состоит в полном отсутствии указаний на то, какими путями, с помощью каких механизмов явно гадкий утенок «реального социализма» может и должен превратиться в практически безупречного лебедя. Историческая преемствен-

ность двух реализаций социализма, как и социально-политический механизм превращения первой во вторую, в известных мне работах не раскрывается. В силе, этого сама задача «обновления» социализма лишается конкретного содержания. Открытым остается в большинстве случаев и вопрос об отношении «обновленного социализма» к капитализму: является ли «обновленный социализм» диалектическим отрицанием капитализма или он как-то соединяет черты «реального социализма» и «либерально-демократического капитализма». Нередко высказывается точка зрения, что «новый» социализм должен вобрать в себя лучшие черты того и другого строя. Мечта заманчивая. Но на какой основе и каким путем может быть создан такой гибрид⁰ Будет ли он жизнеспособным? Есть ли гарантия, что «ребенок» не унаследует худших черт обоих «родителей»⁰ Все это остается неясным.

Общественное мнение об Октябрьской революции и «реальном социализме»

На первый взгляд, рассмотренные выше вопросы не слишком связаны с общественным мнением, но в действительности это не так. Оценивать мнение советских людей о социализме и перестройке, не определив собственных позиций в этих вопросах, попросту невозможно. Дело в том, что и общее отношение людей к социализму как социальной системе, и оценки того, куда ведет перестройка, в значительной мере зависят от содержания, вкладываемого в понятия «реальный» и «обновленный» социализм. А так как оно довольно расплывчато, то пока здесь нет оснований ожидать компетентного и конкретного общественного мнения. Тем не менее, какие-то мнения о социализме у людей существуют, и их необходимо исследовать. Ученым или политикам важно знать, как трудящиеся оценивают итоги своей семидесятилетней борьбы, в чем они видят те преимущества и достижения социализма, от которых нельзя отказаться, каково их общее отношение к капиталистической и социалистической системам.

В конце сентября 1990 г. ВЦИОМ провел опрос общественного мнения об исторической необходимости и итогах Великой Октябрьской революции. В городах и селах 16 регионов страны были опрошены 1848 человек, достаточно точно репрезентирующих социально-демографическую структуру населения СССР. Анализ полученных данных позволил выделить четыре типа социально-политических позиций.

Два первых типа характерны для 40—50% взрослого населения страны. Они объединяют людей считающих, но большевики должны были взять власть (52%); что Октябрьская революция выражала реальную волю народов страны (39%); что она открыла новую эру в ее истории, дала толчок ее социальному и экономическому развитию (45%). Если бы эти люди жили в 1917 г., то, судя по самооценкам, скорее всего поддержали бы большевиков (40—43%).

При этом респонденты первого типа (20-25% всей совокупности) не только одобряют революцию, но и поддерживают последующие действия большевиков, например, разгон Учредительного собрания (26%), закрытие газет других партий (21%), национализацию частной собственности (24%). Они не видят значительных отклонений от ленинского революционного курса в период после смерти Ленина и не думают, что революция нанесла ущерб развитию российского общества или его отдельных слоев.

Респонденты второго типа, составляющие 25—30%, придерживаются несколько иных позиций. Признавая историческую необходимость революции, они (вместе с представителями третьего типа, о котором речь пойдет дальше) осуждают многие действия большевиков, политику же, реализованную после смерти Ленина, считают отклонением от принципов революции. Если учесть, что к третьему

типу относятся 35—40% опрошенных, то суммарная доля людей, оценивающих начальный период советской власти очень критически, оказывается довольно большой. Так, историческую необходимость национализации частной собственности отрицают 53% опрошенных, закрытия газет и установления жесткой цензуры — 56%, вооруженного подавления крестьянских восстаний — 64%. 69% респондентов сожалеют об уходе из хозяйственной жизни страны предпринимателей и промышленников; 70-72% считают, что революция нанесла серьезный урон русской культуре и русским крестьянам. Эти цифры свидетельствуют о довольно широком проникновении в сознание народа критического отношения к революции.

Третья позиция отличается от второй переработанием критицизма в принципиальное неприятие идей Октябрьской революции. Люди, разделяющие эту позицию, считают, что захват власти большевиками не был исторически необходим (28%); что общество могло достигнуть выдвинутых большевиками целей без революции (32%); что революция не выражала воли народов, населявших Российскую Империю; что она затормозила их развитие и стала для них катастрофой (37%). Около трети респондентов утверждают, что если бы они жили в 1917 г., то не поддержали бы большевиков, а около 20% — что стали бы с ними бороться.

Четвертый тип позиций объединяет 15—20% респондентов, не имеющих определенного мнения по большинству рассматриваемых вопросов.

До сих пор я говорила об отношении людей к исходному пункту «реального социализма» — Октябрьской революции. А каково их отношение к социализму как таковому, а также к его идеологическому антиподу — капитализму? Сохраняется ли в сознании большей части людей привлекательный образ первого и отталкивающий — второго? Какие конкретные явления и свойства советские люди связывают с социализмом и капитализмом? Попробуем в этом разобраться. Наиболее убежденными сторонниками социализма можно считать тех, кто не только верит в эффективность этой системы, но и связывает переживаемый общественный кризис с утратой значительной частью общества веры в социализм. Судя по опросам ВЦИОМ, доля таких людей составляет 16—18%. Ответы на прямой вопрос: «Был ли правилен социалистический выбор, и есть ли у социализма будущее?» в августе 1990 г. распределились следующим образом: «социализм это правильная система, и у него есть будущее» -- 36%; «у социализма были определенные возможности, но они исчерпаны» — 19%; «социализм в нашей стране является ошибкой, он никогда не сможет обеспечить нужды людей» — 21%. Последняя группа объединяет людей, разочаровавшихся в социализме. По мнению 20% респондентов, причины наших сегодняшних трудностей «кроются в самой природе социализма». Людей, сохранивших веру в социализм как перспективную общественную систему, в целом несколько меньше, чем тех, кто такую веру утратил. С учетом же лиц, не сумевших или не захотевших дать определенный ответ, можно сказать, что в настоящее время из каждых трех граждан СССР твердо верит в социализм только один.

В исследованиях ВЦИОМ использовались и вопросы, прямо касающиеся сравнения социализма с капитализмом. Так, в марте 1990 г. мы спросили респондентов о том, каким они хотели бы видеть советское государство в будущем. Прямые сторонники перехода страны с социалистического пути на капиталистический составили около 10%. Но если учесть тех, кто высказался за модель социал-демократического ("шведского") капитализма, то доля сторонников этого строя поднимется до трети. Для столь идеологизированного общества, как наше, это немало.

В сентябрьском опросе 1990 г. был использован другой вариант того же вопроса: «Каким курсом должен следовать СССР в будущем?». За «отказ от социализма и переход к капитализму» здесь высказались 8%, за «социал-демократию североевропейского типа, сочетающую черты социализма и капитализма» — 30%. Остальные голоса разделились между сторонниками «обновленного социализма» (35%>) и теми, кто не смог дать определенный ответ (27%). Таким

образом, в этом случае за «чистый социализм» высказалось меньше людей, чем за «чистый» или «социализированный» капитализм. Заметное расхождение данных весеннего и осеннего опросов, с одной стороны, может быть результатом усилившегося разочарования людей в социализме, с другой стороны, на распределении ответов могло отразиться изменение формулировки вопроса, а также некоторых характеристик выборки. Чтобы получить надежную оценку динамики общественного мнения, оба вопроса следует повторить.

Общий вывод заключается в том, что значительная часть советских людей считает избранный нашим обществом исторический путь ошибочным. Около трех четвертей респондентов имеют достаточно определенное мнение о «реальном социализме». 16—18% из них сохраняют верность идеологическим ценностям, в которых были воспитаны, и «голосуют» за существующий «реальный социализм». Несколько большая доля людей (19—27%) видит идеал в «обновленном социализме», к которому их зовут политические лидеры общества. Довольно значительная часть населения (23—30%) высказывается за капитализм с высоким уровнем социальной защиты трудящихся, обеспечиваемым социал-демократами. Наконец, сравнительно небольшая (8—9%), но убежденная социальная группа безоговорочно голосует за капитализм со всеми его проблемами, противоречиями и достижениями.

Социальное содержание перестройки

Определить социальное содержание перестройки — значит ответить на три вопроса: а) в интересах каких и за счет каких общественных групп она проводится; б) насколько глубокими являются сдвиги в положении этих групп, и насколько коренные интересы их задеваются; в) какие группы служат движущей силой социально-инновационных процессов — господствующие или же угнетенные. В зависимости от ответов на эти вопросы, перестройку следует трактовать либо как реформу, либо как революцию, меняющую существующую систему.

Демократическая перестройка, происходящая в нашей стране, была задумана как реформа «сверху», но на практике переросла в революцию «снизу», поддержанную многомиллионными массами. С моей точки зрения, перестройка делится на два крупных этапа: 1985—1988 гг. и 1989—1990 гг. Первый, подготовительный этап перестройки развертывался под знаком инициативы номенклатуры, а также ее сторонников и союзников. На этом этапе интеллектуальные «прорабы» разработали в общих чертах концепцию перестройки. Получавшая развитие гласность пробудила интерес народа к политике, социально активизировала людей, зародила у них надежду на демократизацию общества.

Начало второму этапу положили выборы народных депутатов СССР. Этот этап характеризовался быстрым и почти повсеместным переходом политической инициативы от общественных «верхов» к «низам», активизацией социальных сил, противостоящих «номенклатуре», развитием массовых рабочих, национальных, экологических и политических движений. В этот период движущей силой углубления перестройки стало давление демократических масс, а основным предметом борьбы — перераспределение власти и собственности между общественными слоями и группами. На рассматриваемом этапе реформа начала перерастать в социальную революцию, направленную на слом устаревшей и на формирование новой системы.

Такова, как мне кажется, расстановка социальных сил перестройки.

Сложнее определить, какой может быть социальная структура формирующегося в СССР общества с приватизированной экономикой и развитым рынком. Лидеры КПСС утверждают, что новая политическая система будет основана на народовластии, а экономические отношения исключают возможность эксплуатации одних классов другими. Однако социальные механизмы реализации этих принципов не раскрываются, что вряд ли можно считать случайностью. Дело в том, что

рыночная экономика предполагает перераспределение прибавочного продукта как между группами производителей, различающимися эффективностью хозяйственной деятельности, так и между общественными классами. А в терминах марксистской политической экономики это означает именно эксплуатацию человека человеком.

Если в СССР по-настоящему разовьются рыночные отношения, то на смену бюрократической «номенклатуре» придет класс предпринимателей — частных и коллективных. Со временем он вберет в себя наиболее деловую, энергичную, квалифицированную и талантливую часть населения, которая займет значительно лучшее положение по сравнению с остальной массой трудящихся. В результате социальная дифференциация возрастет. При этом распределение и перераспределение доходов будет переориентировано в пользу общественных групп, обеспечивающих своим трудом подъем экономики. А это — необходимейшее условие экономического процветания общества. Однако следует заблаговременно думать о социальной защите тех групп, которые не смогут защитить себя сами.

Какие же социальные силы взаимодействуют в перестроечном процессе, пытаюсь изменить его направление в соответствии со своим интересом? Думается, что сегодня таких сил три. Это, с одной стороны, «старые» классы номенклатуры и «трудящихся» (т.е. наемных работников государства), а с другой — нарождающийся класс предпринимателей, мелких и крупных промышленников, кооператоров, арендаторов, фермеров, торговцев, маклеров, брокеров и др. Рассмотрим, в чем заключаются интересы каждой из этих групп.

Заветной мечтой номенклатуры было бы возвращение к системе, где она была «всем», а трудящиеся — «ничем». Но практически реализовать такую возможность стремятся лишь небольшая наиболее реакционная часть этого класса. Большинство представителей номенклатуры понимает, что командно-репрессивная система в основном себя изжила и возврата к прошлому нет. Особенно ясно это стало после событий в Восточной Европе, которые показали советской номенклатуре, чем может кончиться ее власть. А остро политизированные выборы народных депутатов, шахтерские забастовки, блокады железных дорог, разгром пограничных сооружений в Азербайджане, попытки захвата зданий партийных комитетов и КГБ, массовое сопротивление прибалтийского населения попытке военного переворота раскрыли ей глаза и на то, что советский народ существенно изменился по сравнению с доперестроечным временем, и его терпение близко к пределу. В этих условиях главная и все лучше осознаваемая задача номенклатуры — это прежде всего уцелеть, пусть уже не в качестве монополистически правящего класса, а хотя бы одной из престижных, влиятельных, материально обеспеченных и социально защищенных групп. Чтобы добиться этого, старшая по возрасту и имущественная часть номенклатуры стремится либо совместить руководящие роли в партийной и государственной структуре, либо же просто пересест из качающегося партийного кресла в более надежное государственное. Что касается более молодой, энергичной и образованной части номенклатуры, то она переходит из аппарата управления в бизнес, как правило, прихватывая с собой партийное имущество. Все более частым явлением становится организация комитетами КПСС разного уровня совместных предприятий или кооперативов на партийные средства, на базе материально-технических ресурсов партии и под руководством ее бывших работников. Если эта тенденция получит развитие, то значительную часть новых предпринимателей составят бывшие партработники.

Интересы трудящихся состоят в том, чтобы добиться, во-первых, более справедливого распределения доходов и потребительских благ между социальными слоями и группами; во-вторых, возвращения незаконно присвоенного номенклатурой общенародного достояния (больниц, санаториев, административных зданий, дачных поселков и проч.); в-третьих, стабилизации покупательной силы рубля и наполнения рынка качественными товарами; в-четвертых, надежных социальных

гарантий на случай болезни, старости, инвалидности, безработицы; в-пятых, действительной свободы предпринимательской деятельности (обеспечения первоначальным кредитом, разумного налогового обложения и проч.); в-шестых, более полного выражения своих интересов в законодательных органах и в системе политической власти. В целом трудящиеся заинтересованы в радикально-демократическом, а номенклатура — в консервативно-бюрократическом варианте перестройки. В этом смысле интересы этих классов противоположны.

Что касается нарождающегося слоя предпринимателей, то пока он весьма разнороден и лишь начинает осознавать себя общественным классом. По данным репрезентативных для СССР опросов ВЦИОМ, доля предпринимателей во взрослом населении страны составляет 3—5%. Вместе с тем специфика их интересов и мнений по важнейшим политическим и экономическим вопросам не вызывает никакого сомнения. Противоречие между номенклатурой и новыми предпринимателями связано с тем, что господствующее положение в обществе должно перейти от первой ко вторым, личное же перемещение из разлагающегося в нарождающийся господствующий класс доступно не всем. Поэтому номенклатура в меру имеющихся у нее возможностей тормозит развитие предпринимательства, видя в нем своего могильщика. Люди же, связанные с новыми формами экономических отношений, в свою очередь, всеми доступными способами пытаются бороться с номенклатурой. В этом они солидаризируются с политически и экономически активной частью трудящихся, руками которой только и могут отвоевать собственность и власть у номенклатуры.

Хотя класс предпринимателей в немалой степени рекрутируется из трудящихся, отношения между этими группами непросты. Ведь арендаторы, кооператоры, фермеры, притесняемые сейчас даже больше других групп, в перспективе могут обогатиться, завладеть значительной собственностью и занять господствующую позицию. Это особенно ясно осознается той частью трудящихся, которая не намерена и не способна сама заниматься предпринимательством и потому настороженно относится к тем, кто решается на это. Как известно, отрицательное отношение рабочих к кооператорам, колхозников — к фермерам, работников торговли — к арендаторам магазинов доходит до сожженных домов, порезанного скота, разграбленного имущества. Есть основания ожидать, что по мере развития рынка и формирования слоя предпринимателей социальный конфликт между ними и основной массой трудящихся будет обостряться.

К настоящему времени ситуация в стране обострилась. Попытки глубокого реформирования общества натолкнулись на непредвиденно сильное сопротивление партийной номенклатуры, руководителей ВПК и генералитета. «Выпущенный из бутылки джин» национализма расколол общество на борющиеся друг с другом нации. Демократические силы оказались неподготовленными к распоряжению политической властью, что нарушило правопорядок в стране. Непродуманные и непоследовательные шаги к рынку ухудшили положение многих социальных групп. Несправедливость общественного устройства не уменьшилась, а усилилась и к тому же стала более явной. В результате у многих людей возникло сомнение в верности руководства страны «социалистическому выбору». Тот факт, что ученые-обществоведы не сумели вовремя проанализировать ситуацию в традиционной парадигме общественных формаций, содействовал усилению идейного разброда. Все это привело к разочарованию большинства людей как в замысле перестройки, так и в ее фактических результатах. Померк и харизматический ореол ее лидера, рейтинг которого в течение года снизился в 4—5 раз. Сейчас он воспринимается людьми то ли как бесправный «заложник» право-реакционных сил, то ли как их сознательный сторонник.

Возможные траектории социального развития

Я вижу три основные траектории, по которым может пойти дальнейшее развитие нашего общества. Первая траектория — это возврат общества к исход-

ному состоянию, к прежней социальной структуре и системе общественных отношений. Такой вариант соответствует интересам реакционной части партийно-государственной бюрократии, руководства военно-промышленного комплекса и, возможно, торговой мафии. Главная черта его заключается в неспособности обеспечить эффективное экономическое развитие и решить осознанные обществом проблемы. Поэтому он может осуществиться лишь путем военного переворота, введения чрезвычайного положения и политических репрессий.

Еще недавно подобное развитие событий казалось маловероятным. Так, в сентябре 1990 г. его считали достаточно реальным лишь 19% опрошенных, а малореальным и нереальным — 52%. Затруднились ответить 29%.

Вместе с тем, отвечая на вопрос о том, чего сильнее всего не хватало советским людям в 1990 г., наибольшее число опрошенных (53%) указали на «отсутствие реальной власти в стране от месяца к месяцу». Увеличивается доля тех, кто хочет «твердой руки и порядка». Призывы различных партий и «комитетов национального спасения» установить чрезвычайное положение в районах межрегиональных конфликтов, ввести президентское правление, опирающееся на вооруженные силы, становятся все более настойчивыми. Они раздаются с трибун, печатаются в газетах, зачитываются на съездах, что оказывает определенное влияние на общественное мнение. Уже в середине декабря 1990 г. назвали военный переворот возможным и вероятным 32% опрошенных, маловероятным и невозможным — 41%, затруднились ответить 27%. Это значит, что за три месяца доля лиц, серьезно относящихся к идее переворота, возросла в 1,7 раза. Немалый интерес представляют и данные об отношении людей к такому варианту развития. В сентябре 1990 г. «позитивное» и «скорее позитивное» отношение к перевороту выразили 17%, «негативное» и «скорее негативное» — 56%, затруднились ответить 28%. В декабре же соотношение между названными позициями составило 22%, 60% и 18%. Как видим, доля сторонников переворота, способного положить конец не только «беспорядку», но и самой перестройке, не мала и имеет тенденцию к росту.

Вторую траекторию можно назвать бюрократическим вариантом перехода к рынку. В этом случае процесс разгосударствления собственности используется номенклатурой для закрепления за собой права распоряжения (а лучше — владения) основными средствами производства, т.е. для смены статуса чиновников на положение собственников заводов и фабрик или высокопоставленных менеджеров. При таком ходе событий номенклатура сохранит, укрепит и модернизирует свои позиции. Из ее дееспособной и квалифицированной части сформируется класс крупных предпринимателей, а остальная часть своевременно сменит партийные кресла на государственные. В результате возникнет и укрепит взаимовыгодный союз предпринимателей с государственными чиновниками, обращенный против народа. Обслуживающая высшие слои общества прослойка также улучшит свое положение. А класс трудящихся неожиданно и, скорее всего, слишком поздно обнаружит, что потерял даже номинальное право совладельца «всенародного» достояния, окончательно превратившись в люмпена. Социально-политическая система, складывающаяся при таком варианте развития, социально несправедлива и политически реакционна. Но экономически она может быть достаточно эффективной, чтобы удовлетворять жизненно важные потребности населения и тем самым обеспечивать политическую стабильность.

Третья возможная траектория перестройки — демократический переход к рынку. Он может осуществиться в том случае, если радикально-демократические силы повсеместно возьмут политическую власть и сумеют распорядиться ею в интересах трудящихся. При таком варианте развития номенклатура потеряет преимущественные позиции. Среди нового класса предпринимателей главную роль будут играть не крупные дельцы-промышленники, а самостоятельные крестьяне-фермеры, мелкие торговцы, владельцы небольших кафе, ресторанов, гостиниц и проч. Причем формироваться этот класс станет не путем бюрократи-

ческих преобразований государственной собственности, а демократически — из молодой, энергичной и квалифицированной части рабочих, колхозников, инженеров, агрономов, педагогов и др. Дорога «в бизнес» при этом будет открыта и для тех работников аппарата, хозяйственных руководителей, которые готовы соревноваться с другими предпринимателями «на равных». При таком развороте событий процесс возрождения экономики будет социально здоровым, а экономическое развитие страны — быстрым и эффективным. В относительном проигрыше останется та часть общества (номенклатуры, прослойки, трудящихся), трудовой потенциал которой сравнительно невысок и которая при прежней системе присваивала прибавочный продукт других групп, т.е. потребляла больше, чем создавала.

Вероятность осуществления этого варианта развития, в принципе, не равна нулю, но ее не надо преувеличивать. К сожалению, чудес не бывает. Советское общество слишком долго было связано по рукам и ногам, чтобы разогнуться, подняться на ноги и пойти семимильным шагом. Его окончательное социальное пробуждение, формирование новых демократических ценностей, овладение политической культурой, по-видимому, потребуют немалого времени.

Общественное мнение о перестройке

Одним из возможных путей содействия реализации демократического варианта перестройки является работа с общественным мнением. Марксистский тезис о том, что поведение классов и групп определяется в первую очередь их положением, верен только в тенденции. Отношение людей к целям и методам перестройки, рейтинги политических лидеров, доверие к политическим институтам, доминирующие социальные настроения накладывают существенный отпечаток на течение социальных процессов.

Попытаюсь на основе исследований ВЦИОМ охарактеризовать современное общественное мнение о результатах и перспективах развития советского общества. Начну с того, как оно оценивает достигнутые результаты реформ. Летом 1990 г. мы спросили своих респондентов о том, каковы, по их мнению, главные результаты пяти лет перестройки общественных отношений. Наибольшее число голосов получили ответы: «потеря уверенности в завтрашнем дне» — 43%, «кризис национальных отношений» — 37%, «хаос и неразбериха в управлении страной» — 29%, «углубление экономического кризиса» — 28%. На «нормализацию международных отношений и мирную внешнюю политику» указали 19%. Как видим, общественное мнение о том, что перестройка дала стране, не отличается оптимизмом. Оно говорит о крушении надежд трудящихся на заметное улучшение жизни, эффективное развитие экономики, решение социальных проблем.

Чтобы выяснить, как большинство людей оценивает влияние перестройки на собственную жизнь, был задан вопрос: «Стала ли Ваша жизнь после того, как в 1985 г. к руководству пришел М.С. Горбачев, лучше, хуже или не изменилась?». 7% ответили, что их жизнь улучшилась, 22% - не изменилась, у 57% стала хуже, 14% затруднились ответить. В качестве наиболее острых проблем, осложняющих их жизнь (ноябрь 1990 г.), люди назвали: «нехватку и плохое качество продовольствия» (70%), «плохое снабжение промышленными товарами» (67%), «низкие доходы и высокие цены» (61%). На необходимость немедленного решения этих проблем настаивали соответственно 87%, 80% и 79% опрошенных. Таким образом, оценки результативности перестройки на макро- и микросоциальном уровнях отличаются одинаковым пессимизмом. Они говорят о разочаровании тех, кто надеялся на быстрое возрождение страны и улучшение условий собственной жизни.

Ожидания людей на будущее не менее тревожны, чем оценки настоящего, причем их пессимизм возрастает. В декабре 1990 г. значительного улучшения экономи-

ческой ситуации ждали лишь 2—3% опрошенных, стабилизации политической обстановки — 3%. Дальнейшее нарастание экономических трудностей и политической напряженности предсказывали 63 и 59%. Наступление экономической катастрофы считали вероятным 22%, а начало гражданской войны — 20% опрошенных (против соответственно 11 и 9% в январе того же года). Не питают люди иллюзий и относительно вероятных сроков выхода общества из кризиса. В то, что это может произойти в ближайшие два-три года, верят только 9%, в ближайшие пять-шесть лет — 15, к 2000 году — 16, значительно позже — 32%. 16% респондентов не смогли дать определенный ответ, и 12% ответили «никогда».

Куда движется советское общество?

До сих пор я анализировала отношение людей не столько к принципиальному замыслу перестройки, сколько к реально осуществляемым сдвигам, которые не всегда ему соответствуют. Теперь же пришла пора рассмотреть общественное мнение об отношении перестройки к социализму. Речь идет о том, как большинство людей понимают социальную направленность перестройки, ее глубинные социальные цели. Верят ли они, что «реальная» перестройка ведет к обновлению социализма, соотносят ли экономическую реформу и переход к рынку с изменением социальной структуры общества? Каково общественное мнение о перспективах беднейшей и наиболее богатой страт общества при переходе к рынку; сгладится или возрастет разница в их статусах; кто выиграет и кто проиграет от перестройки; наконец, способна ли она привести к более справедливому устройству общества?

Вопрос об ориентации перестройки «в координатах» социализма — капитализма актуален не только в теоретическом, но и в политическом плане, поскольку он непосредственно связан с так называемым «социалистическим выбором». Как известно, руководство страны настаивает на социалистическом характере перестройки, а его политические противники утверждают, что она ведет к реставрации капитализма. Что же думает по этому поводу население, какой из названных точек зрения оно более доверяет? В апреле 1990 г. мы включили в анкету вопрос: к какому строю, по мнению респондентов, приведет страну рыночная экономика? Заметная часть (две пятых) опрошенных не смогла ответить на этот сложный вопрос, что, конечно, легко объяснимо. Ответы же остальных 60% распределились следующим образом. Перестройка экономических отношений приведет к обновленному социализму — 10%, к обществу, сочетающему лучшие черты капитализма и социализма, — 24%, к общему, сочетающему худшие черты капитализма и социализма — 14%, к капитализму — 12%.

Полученный результат позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, в сознании половины людей переход к рынку в той или иной мере ассоциируется с капитализмом. При этом большая часть лиц, имеющих определенное мнение, склонна считать, что, сближаясь с Западом и сохраняя собственные черты, советское общество движется к строю, среднему между капитализмом и социализмом, 40% опрошенных не имеют твердого мнения о том, к какому строю ведет перестройка — капиталистическому или социалистическому. На первый взгляд, это неудивительно, т.к. этот вопрос не житейский, а скорее научный. Но если учесть настойчивость ежедневно звучащих с газетных полос и телеэкранов заверений в социалистическом характере перестройки, то доля не поддавшихся уговорам и резервирующих свою точку зрения представляется очень высокой.

Во-вторых, доля верящих в движение СССР к обновленному социализму составляет одну десятую, в то время как хотели бы этого 35—36%. Таким образом, четверть взрослого населения считает направление перестройки неправильным, внутренне не солидаризируется с ее целями.

В-третьих, отношение людей к возможной «капиталистической перспективе» неоднозначно. Если принять за 100 общее число тех, кто считает эту перспективу реальной, то окажется, что почти половина (48%) имеет в виду заимствование лучших черт капитализма, четверть (24%) говорит о капитализме нейтрально, просто фиксируя факт сближения с ним, и только 28% испытывают тревогу в связи с вероятным приобретением советским обществом худших черт капитализма. По данным некоторых других опросов ВЦИОМ, доля людей, опасющихся возврата к капитализму, выше. Так, существование актуальной угрозы «перехода власти в руки дельцов-эксплуататоров» признают 44% населения России, «распродажи национального богатства капиталистическим странам» — 40%. На вопрос, верооят ли отход общества от завоеваний социализма в связи с развитием кооперации, 28% ответили положительно, 42% не могли дать определенный ответ, и только 30% ответили отрицательно. В целом общественное мнение по этому принципиальному вопросу не подтверждает ожидаемой приверженности «социалистическому выбору». Несмотря на усилия пропаганды, люди верят прежде всего здравому смыслу. А он подсказывает, что отношения с рынком у социализма «натянуты», а у капитализма «сердечны». Отсюда и делаются выводы. Со своей стороны полагают, что в преддверии рыночной экономики следует отказаться от противопоставления понятий «капитализм» и «социализм» как отрицающих друг друга. Следует признать, что они утратили смысл, который вкладывался в них классиками марксизма-ленинизма, да и не нужны в практической деятельности, при решении конкретных задач. Безуспешные попытки реанимировать эти понятия, вложить в них содержание, противоречащее здравому смыслу, могут привести лишь к окончательной утере доверия народа.

Теперь посмотрим, как общественное мнение реагирует на связанные с перестройкой сдвиги в социальной структуре, в частности, на появление слоя предпринимателей, изменение положения номенклатуры и «низших» слоев, углубление социального расслоения общества. Как известно, первыми представителями нового слоя «деловых людей» явились кооператоры, арендаторы и работники совместных предприятий. Позже к ним стали присоединяться фермеры, а также владельцы небольших магазинов, кафе и предприятий обслуживания, но все эти категории пока малочисленны. Опросы показывают, что появление «новых людей» и их напористое стремление к успеху не ускользнули от внимания, по меньшей мере, трех четвертей населения, причем реакция разных групп на появление этого слоя резко поляризована, что ясно выявилось в опросе, посвященном кооперации. Большинство респондентов считают, что в кооперативах труд оплачивается справедливее, чем в государственном секторе (52%), люди имеют больше возможностей проявить свою инициативу и знания (61%), лучше используют сырье, материалы, оборудование (66%), что в кооперативах работают инициативные, предприимчивые люди, умеющие трудиться и желающие заработать (45%). В связи с этим 41% опрошенных полагают, что кооперацию следует развивать.

С другой стороны, значительная часть населения считает, что развитие кооперации ухудшает состояние экономики (35%), и после выхода страны из кризиса кооперация вообще не будет нужна (38%). 45% опрошенных высказываются за ограничение деятельности кооперативов. Ценами на их продукцию не удовлетворены девять десятых, выбором предлагаемых товаров — половина, их качеством — 44% населения. Около трех пятых опрошенных полагают, что кооператоры получают незаслуженно-высокие доходы, треть — что в кооперативах работают мошенники, спекулянты, люди с темным прошлым. Отсюда мнение примерно трети людей, что кооперацию надо сворачивать. В возникновении такой реакции частично повинны сами кооператоры, но, по-видимому, дает себя знать и «отвычка» народа от торгово-предпринимательской деятельности, а также связанная с ней подозрительность по отношению к дельцам, коммер-

сантам, предпринимателям. Предвзятость общественного мнения в этом вопросе существенно осложняет развитие новых форм хозяйственной деятельности в городе и на селе.

Обратимся к тому, как большинство людей оценивают перемены в положении номенклатуры, в том числе сокращение ее привилегий. О том, что работники партийного и государственного аппарата пользуются многими привилегиями, знают четыре пятых опрошенных. Почти все они (77%) согласны с тем, что привилегии номенклатуры чрезмерны и социально несправедливы. В обоснование этого взгляда приводятся два соображения, во-первых, что жизнь народа ухудшается, а власти отгородились от него прочной «стеной» своих привилегий, во-вторых, что привилегии предоставляются людям по занимаемым должностям, а не по конкретным заслугам. Вполне справедливыми привилегии считают 8% опрошенных, что почти совпадает с долей тех, кто лично пользовался привилегиями (7%). Еще 7%, которые занимают промежуточную позицию, можно с достаточной вероятностью отнести к прослойке, образующей близкое окружение «элиты».

Среди причин, объясняющих широкое распространение привилегий в нашей стране, чаще всего упоминались нечестность и нескромность руководителей государства (половина) и отсутствие должного контроля со стороны общественности (треть ответов). На то, что система привилегий продолжала формироваться и при перестройке, указали лишь 3% опрошенных. Но на вопрос, как они оценивают результаты преодоления необоснованных различий в положении разных групп населения, две трети респондентов ответили, что «все осталось по-прежнему», и примерно равные доли (11 и 13%) — что привилегиями стало пользоваться «меньше» или «больше» людей. Следовательно, согласно общественному мнению, осуществление социальной справедливости не произошло.

Не слишком обнадеживают и ответы о сдвигах в положении бедных слоев. Прежде всего, по мнению двух третей населения, в нашей стране много бедных людей, и к 2000 году уровень жизни будет в лучшем случае таким, как в развивающихся странах. Более трети опрошенных считают, что за годы перестройки бедных стало «значительно больше», и еще 22% — что их стало «несколько больше». Это мнение подтверждается тем, что, согласно данным опросов, от перемен в экономике заметно выигрывают 7—8% респондентов, проигрывают же 23%. На вопрос, есть ли у таких людей, как они сами, шансы увеличить доходы, три пятых опрошенных ответили отрицательно, и только 15—20% — положительно. В будущем, согласно преобладающему мнению, сохранится та же тенденция: жизнь простых людей будет скорее всего ухудшаться (68%), а доля бедного населения — расти (59%).

Общественное мнение чутко улавливает тенденцию к усилению социального расслоения: ее отмечают 59—63% опрошенных. Почти 60% уверены, что в дальнейшем различия в уровне жизни богатых и бедных будут расти. Когда же мы попытались выяснить, кто имеет наибольшие шансы повысить свои доходы, то на первые места вышли ответы: «богаче станут только те, кто живет нечестным трудом» (46%), «получать больше станут те, кто сумеет пристроиться на хорошую работу» (43%), «богатые станут жить богаче, а бедные — беднее» (41%). Ответы: «те, кто хорошо трудится, будут и получать больше» и «больше всего заработки вырастут у тех, кто и сейчас хорошо работает», назвали вдвое меньше людей — 21 и 19%. Только 2—3% опрошенных верят, что от перемен в экономике выиграют рабочие, крестьяне и интеллигенция. Остальные указывают на работников аппарата, деятелей торговли и мелких предпринимателей. На вопрос, ожидают ли они, «что в результате перестройки экономики распределение наших доходов в нашем обществе станет более справедливым», 44% опрошенных не смогли дать определенный ответ, 31% ответили утвердительно и 25% — отрицательно. Таким образом, в общественном мнении «обновление социализма» не ассоциируется с ростом социальной справедливости, а перестройка — с «социалистическим выбором».

Общественное мнение об экономической реформе

Реформа экономических отношений оказалась одним из самых сложных элементов перестройки. Трудным и долгим оказалось принятие соответствующих законов, еще более трудным и долгим — их практическое внедрение в жизнь. Немалую роль сыграла при этом неподготовленность общественного сознания к восприятию новых форм собственности и экономических отношений. В текущей прессе, высказываниях известных писателей и политиков нередко встречаются утверждения о том, что народ «не готов к восприятию рыночных отношений, ассоциирующихся в его мнении с капитализмом», что он «не позволит стащить страну с социалистического пути», что сельские жители не мыслят труда и жизни вне колхозов и ни за что не согласятся вновь стать «единоличниками». Если все это верно, то вряд ли имеет смысл внедрять рыночные отношения «силой», не преодолев предубеждений народа. Но, с другой стороны, состояние экономики требует немедленного вмешательства. В связи с этим вопрос о том, каково реальное мнение большинства людей о состоянии и путях оздоровления экономики, приобретает особую актуальность.

Чтобы ответить на этот вопрос, ВЦИОМ, начиная с осени 1989 г., проводил регулярные зондажи общественного мнения по экономической проблематике. Анализ собранных данных показал, что пропагандируемая в последнее время идея плюрализма форм собственности, включая допущение частной собственности, проникла в общественное сознание сравнительно глубоко и, можно сказать, «овладела массами». Ее поддерживают большинство трудящихся. Так, за создание предприятий, принадлежащих трудовым коллективам и арендуемых ими, высказываются 70% опрошенных, совместных с инофирмами — 69, акционерных — 45, иностранных — 36 и кооперативных — 30%.

Отношение людей к частной собственности более сложно. Общественное мнение в этой области только формируется и еще окончательно не сложилось. Вместе с тем позитивное отношение к частной собственности распространено в нашем обществе шире, чем можно было бы ожидать. Правда, на прямой вопрос о том, как они отнеслись бы к возникновению в стране предприятий, принадлежащих отдельным гражданам положительно ответили чуть более четверти (27%), отрицательно же — 40% опрошенных. Но отвечая на более конкретный вопрос, более трех четвертей опрошенных поддержали возникновение частных предприятий в сфере переработки сельскохозяйственной продукции, 73% — в торговле и бытовом обслуживании, 60% — в легкой промышленности, 48% — в медицине и школьном образовании. Следовательно, «чужовище» частной собственности при ближайшем рассмотрении воспринимается населением достаточно спокойно.

Около половины опрошенных считают, что появление частных предприятий будет способствовать возрождению у людей «чувства хозяина» и улучшит экономическое положение страны, четверть — что оно позволит преодолеть дефицит потребительских товаров. В том, что появление частной собственности будет означать «отказ от завоеваний социализма», убеждены лишь 10%. Несколько более одной трети опрошенных не без оснований считают, что в новых условиях ускорится расслоение общества на «богатых» и «бедных». С учетом же довольно разноречивых ответов на ряд вопросов анкеты, касающихся разных аспектов вопроса, положительное отношение к частной собственности выражают около половины опрошенных, а отрицательное — менее четверти. Это является серьезным аргументом в пользу незамедлительной реализации Законов «О собственности» и «О земле».

С точки зрения прогноза поведения населения в условиях новых экономических отношений, важно знать общественное мнение о предпринимательстве и предпринимательских доходах. Общее отношение респондентов к частному предпринимательству скорее положительно, чем отрицательно, особенно

применительно к сельскому хозяйству и собственности на землю. За преимущественное по сравнению с другими формами хозяйствования развитие индивидуальных крестьянских хозяйств высказываются более трети опрошенных за развитие хозяйств арендаторов — 29%. Различные же формы передачи земли крестьянам поддерживают почти четыре пятых населения, в том числе ее передачу в пожизненное владение с правом наследования или даже в частную собственность — 54—60%. 29—34% опрошенных полагают, что крестьянам следует предоставить право купли-продажи земли и найма работников. Более половины настаивают на праве крестьян самостоятельно устанавливать цены на выращенную продукцию и почти 90% — решать, что и в каком количестве производить.

Но все это — суждения о том, на каких условиях должны хозяйствовать какие-то другие люди. Наиболее же важна и интересна информация об установках на участие в предпринимательстве самих респондентов. Ведь будущая судьба экономики зависит в первую очередь от этого. Общепринято мнение о том, что у русских «предпринимательская жилка» практически отсутствует, что сегодня никому из них «ничего не нужно», и только малая доля людей готова добиваться повышения уровня жизни путем интенсивного труда и предпринимательства. В связи с этим возникают вопросы: 1) каково общее отношение людей к предпринимательской деятельности и 2) носит ли ее одобрение умозрительно-отчужденный характер или же оно означает готовность заняться этой деятельностью самим.

Попытка выяснить это дала неожиданный результат, опровергший расхожую точку зрения. Оказалось, что почти треть опрошенных не прочь открыть собственное дело. Решительно отвергли такую идею 45% и не смогли ответить определенно 23%. Это — применительно к городам. Сходная картина и на селе. Вести собственное крестьянское хозяйство хотели бы 38% селян, готовы думать на эту тему в зависимости от того, как будет разворачиваться дело, еще 14%. Не задумывались о такой возможности 20, и решительно отвергают ее 30%. Разумеется, далеко не все те, кто позитивно относится к крестьянским хозяйствам, готовы немедленно стать фермерами. Только 8% опрошенных ответили, что поступить таким образом им мешает только отсутствие соответствующего закона (который в то время еще не был принят). Остальные выразили недоверие к государству, которое может в любую минуту отказаться от ранее принятых решений и, в частности, вновь запретить фермерские хозяйства (28%), указали на недостаточную защищенность крестьян от районных и местных властей 28%, а также на противодействие колхозов и совхозов, от которых полностью зависят снабжение и сбыт продукции ферм 18—24%. Проведенные исследования приводят к выводу о том, что утверждения о принципиальном неприятии частной собственности советскими людьми надуманы и не находят подтверждения.

Понимает большинство людей и необходимость перехода к рынку. За такой переход высказываются 62% опрошенных, против него — 21%. Вместе с тем, пережившие много разочарований люди не ждут от рынка чудес. Общего оздоровления экономики в результате перехода к рынку ожидают 44%, а дальнейшего ухудшения положения — 63%. Большинство населения связывает рыночную экономику с быстрым ростом цен, обесцениванием рубля, возникновением безработицы и снижением уровня жизни. На первый взгляд общественное мнение о рынке кажется нелогичным: спрашивается, если переход к рынку скорее всего приведет к отрицательным, а не положительным последствиям, то зачем его совершать? По-видимому логика заключается в том, что люди не видят другого пути преодоления возникшего кризиса, позиция же пассивного ожидания явно ведет к экономической катастрофе. В связи с этим значительная часть населения считает инфляцию, безработицу, рост социального

расслоения и другие последствия рынка необходимой и неизбежной платой за выход «заблудшего» советского общества на проторенный путь цивилизованного развития и за обеспечение нормальной жизни хотя бы своим детям и внукам.

О некоторых особенностях современного общественного сознания

Обобщая сказанное, важнейшими особенностями сознания современных советских людей можно назвать:

а) Социальный пессимизм: разочарованность реальными итогами перестройки, утрата веры в ее скорый успех, отсутствие конструктивных соображений о путях выхода из кризиса.

б) Недоверие ко всем политическим институтам, начиная с традиционных (КПСС, правительство, Верховный Совет СССР, профсоюзы, правоохранительные органы) и кончая новыми; антипатия и недоверие к большинству политических лидеров, как прежних, так и вновь появляющихся — от левых радикалов до монархистов.

в) Фрустрация, проявляющаяся в глубокой обеспокоенности происходящими событиями, тревожности, усталости, неуверенности в будущем, ожидании все возможных бедствий (инфляции, денежной реформы, экономической катастрофы, общенационального голода, гражданской войны).

г) Подозрительность и агрессивность, представляющие обратную сторону тревожности.

д) Глубокий ценностно-нравственный вакуум, возникший в результате краха коммунистической идеологии и разрушения традиционных советских ценностей.

е) Возвращение к отвергавшимся прежде религиозно-нравственным ценностям, повышение авторитета религиозных конфессий, тяга значительной части людей ко всякого рода таинственным явлениям и к мистике.

ж) Патернализм и эгалитаризм, восходящие к общинному сознанию, расцветшие на питательной почве «реального социализма» и подпитываемые в настоящее время бедностью и угнетенным положением людей. Откровенная и агрессивная зависть к положению любых материально обеспеченных, а тем более привилегированных групп. Рассмотрение материальной зажиточности людей как прямого показателя их нечестности — участия в теневой экономике, присвоения нетрудовых доходов и проч.

Все эти особенности общественного сознания не облегчают осуществления перестройки. Вместе с тем они отнюдь не случайны, т.к. уходят своими корнями в разные этапы советской истории, в частности, в длительный период общественного застоя. Безнадёжно больное общество не могло быть здоровым психически. Поэтому сейчас нужно одновременно лечить и его «тело», и «душу». Для этого следует прежде всего минимизировать факторы, способствующие расколу общественных групп по интересам, потребностям, ценностям. Иными словами, надо сосредоточивать усилия на поиске общественного консенсуса, базирующегося на идеях социально-национального и культурно-нравственного возрождения.

Народы, только что вырвавшиеся или еще рвущиеся из оков жесткого национально-государственного устройства СССР, легче всего воспринимают идеи национального возрождения. Они «принимаются» и пускаются в рост во всех республиках. Но, к сожалению, обычно они служат не достижению консенсуса, а, напротив, размежеванию народов, возникновению межнациональных конфликтов. Большинство наций стремится добиться собственного возрождения за счет национальных меньшинств, и до цивилизованного решения возникающих при этом вопросов нам пока еще далеко.

Нравственное возрождение остро необходимо, ведь утеря большей части моральных и духовных ценностей делает общество нежизнеспособным. Оно может в любую минуту «взлететь в воздух» не только от рук преступников, действующих

по принципу «все можно», но и по вине безнравственных, безответственных и некомпетентных людей, не способных взаимодействовать с техникой XX века. Сложность заключается в том, что для нравственного возрождения общества нужны просвещенные духовные пастыри, обладающие личной харизмой. Одним из таких людей был о. Александр Мень, но в схватке со Злом он потерпел поражение, и для нашего общества это, видимо, не случайно.

Идея культурного возрождения представляется мне более слабой по сравнению с нравственным возрождением, т.к. захватывает меньше людей. Она способна объединить скорее интеллигенцию, чем всю нацию.

Что касается социального возрождения, то оно составляло суть первоначального замысла перестройки. Большое, прогнившее, резко дифференцированное общество предполагалось сделать здоровым и социально справедливым. Но идея социального возрождения могла сплотить только прогрессивные силы, заинтересованные в оздоровлении общества. Партократию этот лозунг мог воодушевить только на сопротивление. Поэтому в настоящее время большинство социальных идей скорее разделяет, чем консолидирует общество.

Значит ли это, что в настоящее время наше общество не имеет основы для достижения консенсуса, и его консолидация невозможна? С моей точки зрения, не значит. Консолидация может и должна быть достигнута на основе экономического возрождения общества, прежде всего — приватизации государственной собственности и развития рыночных отношений. В пользу такого решения говорят, по меньшей мере, два обстоятельства. Во-первых, исключительное многообразие и теснота экономических связей между республиками, регионами и городами страны, а также между отраслями хозяйства и предприятиями. Народное хозяйство СССР давно уже стало единым комплексом, ни одна часть которого не может функционировать без других. В силу этого любые попытки республик вырваться из «экономических объятий» комплекса обречены на неудачу, и это с каждым месяцем осознается яснее. Во-вторых, преодоление экономического кризиса, стабилизация рубля, насыщение товарного рынка и обеспечение уверенного подъема хозяйства соответствует интересам всех национальных, региональных и демографических групп. Значит, в принципе эта идея способна консолидировать общество. Но на практике сделать это непросто, в частности, потому, что общественное сознание обладает большой инерционностью и нередко сопротивляется даже прогрессивному и многообещающему новому. Большой интерес и важность в этой связи представляет анализ общественного мнения по ключевым вопросам экономической реформы — приватизация производства, развитие рыночных отношений и проч.

Советскому обществу предстоит пройти через серьезные трудности, которые представляют своеобразную «плату» за приобщение к общечеловеческим ценностям. Сейчас оно переживает переломный момент. Решается вопрос: продолжится ли демократизация общественных отношений или она будет решительно свернута. Многие симптомы свидетельствуют о возможности последнего. В таком случае демократам придется временно отступить, чтобы перегруппировать силы и подготовить людей к новому этапу борьбы за свою свободу и счастье.

Исторически командно-репрессивная система себя полностью изжила и не в состоянии решать волнующие людей проблемы. Не имея будущего, она будет разбита, если не этой, то следующей волной перестройки. И если народам нашей страны удастся создать демократическое общество, базирующееся на свободе и правах человека, взаимном уважении наций, отношениях товарищеской взаимопомощи, высоком качестве жизни, свободе творческого развития личности, то его с достаточным основанием можно будет называть социалистическим.